

Вопрос в заглавии моей статьи непосредственно связан с двумя не так давно опубликованными исследованиями коллег из Швейцарии. Рудольф Мументалер, сравнивая города Западной и Восточной Европы, пришел в 1996 г. к следующему выводу: отличительные черты западной городской общины, разработанные Максом Вебером, характерны в полной мере и для русских городов — Новгорода и Пскова, им не свойствен лишь союзный характер на основе совместного принесения клятвы.² Вслед за этим в 2006 г. появилась статья Роланда Леффлера: «Новгород — европейская коммуна Средневековья?», в которой автор ответил положительно на поставленный в названии вопрос. По мнению Леффлера, в Новгороде также имело место типичное для коммуны *coniuratio* (объединение клятвенным обещанием), что подтверждают многочисленные сведения о крестоцеловании при заключении мира. Хотя правового разделения между городом и новгородской землей и не было, а состав и значение совета оставались неопределенными, весь город, однако, образовывал *coniuratio*. Подчинение московскому великому князю в 1478 г. положило конец развитию процесса, который мог бы привести к образованию государственного сообщества, подобного Швейцарской конфедерации.³

¹ Пер. с нем. Евгении Титовой (Киль).

² Mumenthaler R. Spätmittelalterliche Städte West- und Osteuropas im Vergleich: Versuch einer verfassungsrechtlichen Typologie // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 46. 1998, особенно S. 66–67. Следует отметить, что для Макса Вебера именно союзный характер является отличительной чертой западного города, другие же черты универсальны, ср. Weber M. Die Stadt // Die Stadt des Mittelalters / hrsg. von C. Haase. Darmstadt, 1969. S. 51–52 [первая публикация в 1921 г.].

³ Leffler R. Novgorod — eine europäische Kommune des Mittelalters? // Städte im östlichen

Вышеназванные тезисы соприкасаются с двумя интересующими меня темами, а именно: с историей Древней Руси и с историей средневекового города в пределах современной Хорватии, поэтому я не мог их не проверить. Что касается значения веча, то я не рассматриваю противоположные мнения, высказанные за последние несколько десятилетий; ориентиром для меня служат прежде всего результаты новейших исследований, проведенных Юнасом Гранбергом, Павлом Лукиным и Ольгой Севастьяновой. Гранберг указал на неформальный характер веча — собрания жителей города. С его точки зрения, едва ли возможно говорить об официальном учреждении веча.⁴ Лукин считает, что нельзя проследить непрерывную связь между предполагаемыми племенными собраниями у славян и многократно засвидетельствованными вечеми времен Киевской Руси. Вече было там исключительно городским явлением, оно дольше всего просуществовало в Новгороде, где и достигло наивысшего расцвета. На вече могли присутствовать только свободные горожане.⁵ Как замечает Ольга Севастьянова, до начала XV в. в источниках удастся проследить, что вече собиралось по самым различным поводам, единство же и общая воля города учреждались посредством совместного принесения присяги. Лишь в XV в. вече, к тому времени располагавшее и своим вечевым дьяком, секретарем, становится учреждением, которое являлось представителем города как целого и отождествлялось со всем Новгородом.⁶

На вопрос, сформулированный мною в заглавии, я хотел бы ответить в два этапа: 1) что представляет собой городская коммуна и 2) можно ли применять этот термин по отношению к древнерусским городам? Являются ли черты коммуны типичными и для древ-

Europa; Zur Problematik von Modernisierung und Raum vom Spätmittelalter bis zum 20. Jahrhundert / hrsg. von C. Goehrke, B. Pietrow-Ennker. Zürich, 2006. S. 50–52.

⁴ Granberg J. Veche in the Chronicles of Medieval Rus. A Study of Functions and Terminology. Göteborg, 2004. P. 148–150, 198.

⁵ Лукин П. В. Вече. Социальный состав // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя / А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович. М., 2008. С. 33–40; Он же. «Народные собрания» у восточных славян. Возможности сравнительного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 5–11.

⁶ Sevastyanova O. In Quest of the Key Democratic Institution of Medieval Rus': Was the Veche an Institution that Represented Novgorod as a City or a Republic? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 58. 2010. S. 1 (краткое изложение историографии). Ее исследование является подтверждением и развитием подхода Гранберга, см. Granberg J. Veche... P. 148–149.

нерусских городов? Заранее следует отметить, что возникновение коммуны, несомненно, связано с развитием экономики и общества и что само название, подразумевающее что-то общее, включает в себе некую мировоззренческую программу. Однако коммуна представляет собой политическое учреждение, а сам термин «коммуна» является правовым понятием.

На основании исследовательской литературы по Западной и Центральной Европе и моей работы с источниками, касающимися городов в пределах современной Хорватии, я предлагаю определение коммуны, с которым, по-моему, можно согласиться без оговорок. Мое определение коммуны включает в себя несколько составляющих:

— Городская коммуна состоит из четко обозначенного круга граждан (*cives*, бюргеров), связанных друг с другом клятвой или другими словами: совокупность граждан одного города образует коммуны. Принадлежность к коммуне поддавалась проверке посредством клятвы; члены коммуны могли значиться в списках граждан.⁷

— Коммуна располагает судебной инстанцией и своим городским правом, которое действительно на четко определенной территории. Эта территория может включать в себя, помимо города, еще и сельскую округу.

— Все граждане (*cives*, члены коммуны), горожане (*habitatores*, жители города) и приезжие, на территории коммуны подчиняются суду коммуны, но лишь граждане — члены коммуны обладают политическими правами.

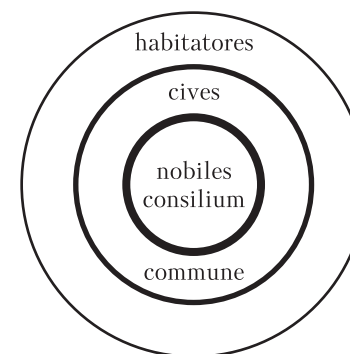
Целью коммуны являлось объединение всех ее членов общим желанием, чтобы тем самым обеспечить мир как внутри, так и снаружи. Надпись на Гольштинских воротах Любека: *concordia domi — foris pax* («согласие внутри, мир снаружи») могла бы служить девизом для всех коммун.⁸

⁷ Что касается разницы между гражданином и городским жителем в Германии, то ср. *Ise-mann E. Die deutsche Stadt im Spätmittelalter. 1250–1500. Stadtgestalt, Recht, Stadtregiment, Kirche, Gesellschaft, Wirtschaft, Stuttgart, 1988. S. 93–97; в Далмации же см. Raukar T. Cives, habitatores, forenses u srednjovjekovnim dalmatinskim gradovima // Historijski zbornik. 1976–1977. № 29–30. S. 139–149.*

⁸ На стремление к обеспечению мира указывают, к примеру, Э. Эннен и Х. Келлер: *Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. 4. Auflage. Göttingen, 1987. S. 129; Keller H. Die Entstehung der italienischen Stadtkommunen als Problem der Sozialgeschichte // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 10. 1976. S. 205.* Работа Эннен до сих пор является общепри-

В качестве органа, принимающего решения в коммуне, выступал избираемый совет. При этом почти везде сформировался стабильный круг родов, представители которых избирались в совет. Во многих городах совет в конце концов «закрылся»: только представители определенных родов, представляющих городской патрициат, могли стать членами совета, граждане же вне этих родов едва ли участвовали в политической жизни города.

Соотношение между коммунной и территорией, а также внутреннее разграничение городского населения можно наглядно представить в виде схемы:

ius civitatis / городское право

Зарождение коммуны произошло в городах Северной Италии в середине XI в., однако вскоре коммуна как форма организации городского населения распространилась по всей Западной и Центральной Европе. Образование коммуны было тесно связано с тем, что в жизни городов все большую роль стали играть письменность и *Verrechtlichung*. Этот термин из новейшей немецкой историографии дословно перевести на русский язык нельзя, его можно лишь описать: имеется в виду возросшая регуляция социальных отношений посредством точных правовых предписаний, которые касались областей, ранее свободных от них, или пришли на смену устно передававшемуся обычному праву. Так, свидетельское показание стало

знанной, но под словом «европейский» в ней понимается практически без исключения Западная и Центральная Европа. Лишь небольшая глава посвящена Новгороду.

заменяться письменным доказательством в судебном производстве, возникла обширная письменность прагматического характера, церковная и светская власть разделились и каждая из них получила свои четко обозначенные компетенции, начали редактироваться городские права и статуты (уставы), которые снова и снова дополнялись, перерабатывались и во многих случаях остались в силе до нового времени.⁹

Образование коммун можно одновременно рассматривать и в более широком контексте формирования различного рода объединений. К ним следует отнести гильдию, представляющую интересы определенной профессиональной группы, братство, членов которого объединяет общее религиозное дело, монашеский орден как форма организации монашества, кроме того, как сословие организованное и в парламенте собранное дворянство (*nobiles, Adel*) и, наконец, университет как объединение обучающихся и учащихся, возникший несколько позже после создания коммуны.

Образование коммун в Высоком Средневековье происходило во всех существовавших тогда городах Западной и Центральной Европы вне зависимости от времени их основания. Коммуны возникали в городах, появившихся еще в античности и расположенных на территории бывшей Римской империи, прежде всего в Северной Италии, Франции и Германии (до Рейна). К ним относятся и города Далмации на восточном побережье Адриатического моря, которые находились под влиянием Западной церкви, пользовались латинским алфавитом и следовали латинскому обряду, в то же время поддерживали тесный контакт с молодыми славянскими государствами в прилегающих регионах и до начала XII в. номинально подчинялись Византии. В городах Далмации коммуна возникла примерно на полвека позже по сравнению с Северной Италией.

Особенно в городах Далмации можно очень четко проследить формирование коммуны, представлявшей собой круг граждан. В источниках XI в. часто упоминается деятельность общего собрания, однако точная его численность не указывается, как, к примеру, в клятве города Раб дожу Отто Орсеоло в 1018 г., которую дали епи-

⁹ Что касается статутов, в частности, из Истрии и Далмации, то ср. *Steindorff L. Städtische Lebensformen im Spiegel spätmittelalterlicher istrischer und dalmatinischer Statuten // Die Urbanisierung Europas von der Antike bis in die Moderne / hrsg. von G. Fouquet, G. Zeilinger. Frankfurt am Main, 2009. S. 173–190.*

скоп и приор¹⁰ «вместе с духовенством и проживающим в городе народом».¹¹ А дож Витале Микеле получил в 1097 г. обещание от приоров Сплита и «от всего народа, больших и меньших», в смысле влиятельных и простых людей.¹²

Но когда в 1239 г. призванный из Анконы в Сплит подеста Гарганус де Арскиндис повелел всем *nobiles* и *populares* поклясться в послушании, «всех присягнувших он приказал переписать, и получилось почти две тысячи мужей».¹³ Устав города Сплита от 1312 г. описывает к тому же детально прием *cives*, граждан, и постановляет внести их в список граждан.¹⁴

Коммуна получила развитие также в городах Западной и Центральной Европы, основанных в раннем Средневековье. К этому историческому пласту относятся города на территории Франкского государства и государства Оттонов к востоку от Рейна, прежде всего Бремен, Гамбург и Магдебург. Коммуна также получила распространение в молодых западнославянских государствах, примером могут служить Краков, Прага и Познань, и в Венгерском государстве. Началось хорошо мне знакомого города Загреб, центра средневековой Славонии, также связано с этим пластом. Опираясь на уже существующее поселение, венгерский король Ласло основал здесь в 1094 г. епископство и жупанию на венгерский лад.¹⁵ Города Киевской Руси вдоль пути «из варяг в греки», как и Москва, тоже принадлежат к раннесредневековому пласту зарождения европейского урбанизма.

¹⁰ Приор — высший представитель светской власти в далматинских городах, с начала XII в. заменен городским князем (*comes*). Об этом процессе детально: *Steindorff L. Die dalmatinischen Städte im 12. Jahrhundert. Studien zu ihrer politischen Stellung und gesellschaftlichen Entwicklung. Köln; Wien, 1984. S. 149–151.*

¹¹ *Diplomatički zbornik kraljevine Hrvatske, Dalmacije i Slavonije. Svezak I. Listine godina 743–1100. Zagreb, 1967. № 37. S. 54: vna pariter cum clero et populo habitante in ciuitate.*

¹² *Ibidem. № 168. S. 208: cum cuncto populo, maioribus et minoribus.* Что касается внутреннего устройства городов Далмации в XI в., то в особенности сильного влияния отдельных семей, ср. *Nikolić Z. Rođaci i bližnji. Dalmatinsko gradsko plemstvo u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 2003.*

¹³ *Historia Salonitana. Toma Arhiđakon. Povijest salonitanskih i splitskih prvosvećenika. Split, 2003. P. 194; русский перевод: Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 95.*

¹⁴ *Statuta et leges civitatis Spalati. Zagreb, 1878. Liber VI, capitula I–V. P. 210–212 [Новое издание: Statut grada Splita. Srednjovjekovno pravo Splita, II (dotjerano) izdanje. Split, 1987]; Statuta nova, c. VIII. P. 239.*

¹⁵ Подробнее о Загребе см. *Steindorff L. Das mittelalterliche Zagreb — ein Paradigma der mitteleuropäischen Stadtgeschichte // Südosteuropa Mitteilungen. 1995. № 35. S. 135–145.*

Речь всегда идет о городах-крепостях (*Burgstädte*), о городах в древнейшем смысле этого славянского слова, об укрепленных местах, рядом с которыми был посад. Они как центры торговли и ремесла имели экономическое значение, но прежде всего являлись политическими и религиозными центрами.

Третья группа европейских городов возникла в Высоком Средневековье в эпоху колонизации с XII по XIV в. В некоторых случаях они были основаны заново, но столь же часто и испытывали расширение или были перенесены. Известными примерами городов, появившихся в это время, могут служить Фрайбург на Юго-Западе Германии и Любек на Балтийском море, а также целый ряд городов на южном побережье Балтийского моря. Освоение Балтийского моря в качестве торгового пространства и закладка городов проходили бок о бок. Таким же образом развивались города в данный период и в Богемии, Польше, Венгрии, Славонии (в настоящее время являющейся северной частью Хорватии). В планах многих городов можно до сих пор увидеть различие между более древней частью города раннего Средневековья и частью, возникшей в эпоху колонизации.

Основание нового города или новой части города всегда было тесно связано с учреждением городской коммуны, получавшей в качестве привилегии правовое одобрение со стороны хозяина города — либо самого короля, либо другого представителя светской или духовной власти. Несмотря на многочисленность и разнообразие привилегий, они всегда включали в себя право располагать собственным судей и собственным законом и определяли территорию, на которой это право имело силу.

Характерная особенность многих городов Центральной Европы состояла в том, что это были скорее агломерации нескольких частей города, обладавших каждая своей юрисдикцией. В качестве примера можно привести опять-таки Загреб: на востоке находится часть города под названием Каптол с кафедральным собором для епископства, основанного в 1094 г., на западе — более молодая часть Загреба под названием Градец, отличающаяся четкой планировкой. В 1242 г. Градец Золотой буллой венгерско-хорватского короля Белы IV был провозглашен свободным королевским городом.

Формирование городской коммуны, а затем и городского совета во всех городах Западной и Центральной Европы привело к тому, что их структура приобрела сходный характер вне зависимости от

времени основания города. С этим связан и тот факт, что коммунальный дворец или ратуша как центр гражданской, коммунальной, власти стали неотъемлемой частью городского пейзажа Западной и Центральной Европы. Подтверждением тому могут служить и Сплит на Адриатическом побережье, и Антверпен во Фландрии, и Любек на побережье Балтийского моря. С того же момента органической частью города становятся и монастыри молодых явно городских орденов францисканцев и доминиканцев. Их возникновение с начала XIII в. можно рассматривать как следствие возросшего религиозного беспокойства, которое, в свою очередь, было обусловлено ускоренным развитием экономической и общественной жизни.

Существование коммуны мы можем доказать, в конце концов, не только на основании следов ее деятельности, но и с помощью тех наименований, которые она по отношению к самой себе применяла. На латинском языке коммуна называлась *commune*, *communitas*, *universitas* или же *universus populus*. Все эти варианты содержат ссылку на «совместную жизнь» и на «общую собственность». Посредством расширения значения возник специфический правовой термин «коммуна», обозначавший группу граждан одного города, которых объединяет общее стремление к обеспечению мира и безопасности. Подобное же развитие значения можно наблюдать и в немецком языке. Слово «*Gemeinde*/община», содержащее в себе значение «общий/*gemeinsam*», служит синонимом к слову «коммуна» и к другим вышеназванным латинским терминам.

Наряду с тем, что уже давно существующие слова через расширение своего значения приобрели значение «коммуны», изменился и смысл слова *civis*, которое изначально подразумевало просто жителя какого-то города/*civitas*, горожанина, а впоследствии стало означать — «член городской коммуны», «гражданин».

Хотя в Польше в ходе колониационного движения городская коммуна возникла за пределами территории с немецкоговорящими поселенцами, в польском языке не произошло развития такого рода. Вместо этого утвердилось заимствованное из немецкого языка слово *gmina* (по-немецки *Gemeinde*).

Между тем в славянском мире существует одно место, в котором латинская и славянская письменность тесно переплетались и в славянском языке которого произошло развитие, наблюдавшееся нами в латинском и немецком. Это Дубровник на восточном побе-

режье Адриатического моря. Как и в других городах Далмации, в Дубровнике с XII в. можно наблюдать создание коммуны, ее деятельность и существование самого термина. Впервые славянское соответствие слову коммуна засвидетельствовано в договоре от 1215 г. между сербским великим жупаном Стефаном Неманичем и Дубровником. Документ, по всей видимости, был составлен изначально на латинском языке, а затем переведен на славянский. Согласно грамоте, великий жупан дал присягу со своими детьми *comiti Ragusii Johanni Dandulo et toti comuni Ragusine ciuitatis*. Славянская версия звучит следующим образом: «кнезу Дубровьчькому Жань Дандулу и все ѡбкинѣ града Дубровьника». ¹⁶ С XIII в. «опькина» (существуют различные способы написания этого слова) ¹⁷ Дубровника упоминается регулярно, это понятие соответствует латинскому слову *communitas* в значении «коммуна».

Несмотря на то, что в старославянском ¹⁸ и в древнерусском ¹⁹ языках существуют слова, сходные фонологически со словом *опькина*, они никогда не употребляются в значении «союз жителей какого-то города», «коммуна». Лишь в Дубровнике и других городах на восточном побережье Адриатического моря слово *опькина* приобрело дополнительное значение, как это произошло в латинском языке со словами *commune* или *communitas*. ²⁰ В основе слова *опькина* также лежит значение «общий». ²¹

Впервые соответствие латинскому слову *civis* мы встречаем в грамоте с обещанием бана Кулина от 1189 г., составленной также на двух языках: *comiti Gervasio et civibus Raguseis* — «кнезу Крвашу и всем грађам Дубровьчамь». ²²

Слово «вече» как соответствие латинскому *consilium* мы впервые встречаем в договоре между болгарским царем Иваном Асенем II и дубровницкой коммуной от 1253 г. Этот документ одновременно является самым ранним подтверждением внутренней дифференциации дубровницкого веча, совета: «вѣкници ²³ ѡдь малога већа — ѡдь века умолена — вѣкници ѡдь вельега већа» в соответствии с латинской терминологией *consilium minus* — *consilium rogatorum* (позже: *senatus*) — *consilium maius*. ²⁴

Следует подчеркнуть, что вече в Дубровнике, *consilium*, представляло собой узкий круг внутри коммуны. Древнерусское же вече включало в себя в принципе все свободное население города. Между обоими учреждениями, имеющими одинаковое название, нельзя проследить ни малейшей генетической связи. Вероятно, чтобы подчеркнуть этот факт, российская историография, говоря об устройстве далматинских коммун, пользуется понятием «совет», несмотря на существующий аутентичный славянский термин «веће/*consilium*». ²⁵

За городскими *nobiles*, т. е. родами, представители которых являлись членами совета, с начала XIII в. прочно закрепилось название «властела» (множественное число к «властелинь»); ²⁶ только в

¹⁶ Старе српске повеље и писма. Књига I. Дубровник и његови суседи. Београд, 1929. № 4. С. 3; *Diplomatički zbornik kraljevine Hrvatske, Dalmacije i Slavonije*. Zagreb, 1904–1906. Svezak III. № 123. С. 140. Что касается датировки грамоты, то в дальнейшем я придерживаюсь мнения, выраженного в издании «Старе српске повеље и писма».

¹⁷ В современном хорватском языке звучит как *općina*, похоже на произношение в древних дубровницких актах; сербское произношение — општина.

¹⁸ Ср. статьи «гражданинь» в: *Slovník jazyka staroslověnského*. Vazba I. Praha, 1966. С. 432; «община»: *Ibidem*. Vazba II. Praha, 1973. С. 499.

¹⁹ См. статьи «горожанинь, гражданинъ»: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 4. М., 1977. С. 95, 117 [определение «1. член городской общины» не подтверждается примерами]; «община»: Там же. Вып. 12. М., 1987. С. 198.

²⁰ Подробнее об этом: *Steindorff L. Die dalmatinischen Städte...* С. 159–161. Я не согласен с мнением Фрейденберга, который по отношению ко времени до начала XII в. применяет термин «община», к последующему же времени, с начала формирования городского совета, — термин «коммуна». Ведь само происхождение термина «община» является продуктом образования коммуны.

²¹ О многозначности слова «općina» ср. статью в: *Rječnik hrvatskog ili srpskog jezika*. Dio IX. Zagreb, 1924–1927. С. 39–41.

²² Старе српске повеље и писма. № 4. С. 3; *Diplomatički zbornik* II. № 221. С. 237 — только текст, написанный кириллицей. Латинская версия доступна, к примеру, в факсимиле грамоты: *Klaić N. Povijest Hrvata u razvijenom srednjem vijeku*. Zagreb, 1976. С. 457.

²³ Слово, соответствующее термину *consiliiarii*, членам веча / совета, засвидетельствовано уже немного раньше. Примерно в 1238–40 гг. «Николавъ Тонисъто кнезь Дубровьчки и судьчи и векници» послали письмо сербскому королю Владиславу. Старе српске повеље и писма. № 17. С. 15; *Diplomatički zbornik* IV. № 65. С. 69.

²⁴ *Diplomatički zbornik* IV. № 426. С. 532. На важность грамоты по вопросу устройства дубровницкой коммуны указывает и *Foretić V. Povijest Dubrovnika do 1808*. Knjiga prva. Zagreb, 1980. С. 122–123.

²⁵ *Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя*. М., 1989. С. 36–39; *Мананчикова Н. П. Дубровник XIII — первой половины XV вв. Проблемы торговли*. Воронеж, 1999. С. 16–21; *Подопригорова Н. Н. Дубровник: Структуры власти и правящая элита (вторая половина XIII — первая половина XV вв.)*. Воронеж, 2003. С. 50–61.

²⁶ Старе српске повеље и писма. № 7. С. 4; *Diplomatički zbornik* III. № 375. С. 432.

качестве исключения встречается слово «боляри».²⁷ Слово *vlastela* / *властела* используется и в современной хорватской, и в современной сербской историографии по отношению к городам Далмации как синоним слова «патрициат», «роды, представители которых являются постоянными членами совета».

На основании грамот можно провести следующие соответствия между латинскими и славянскими терминами:

<i>civitas</i>	град
<i>communitas</i>	обькина
<i>civis</i>	грађанинь
<i>consilium</i>	веће
<i>consilarii</i>	већници
<i>nobiles</i>	властела (боляри).

После всего вышесказанного я бы хотел дать четкий ответ на вопрос, поставленный мною в заглавии: Новгород не являлся коммуной.

Выражение *vesь Новгород*, засвидетельствованное в XV в., как и в случае с «коммуной», содержит стремление выразить волю всего городского поселения.²⁸ Но в источниках не встречается абстрактное самоопределение, которое бы включало в себя значение «общность».

На базе просопографических исследований можно установить, что в Новгороде, бесспорно, имелся узкий руководящий круг людей и были городские должности. Однако новейшие исследования показали, что предположение о существовании Совета господ, *Herrenrat*, основано на неправильном чтении средненижненемецкого источника 1331 г. (*der Herren Rat* в смысле «[однократное] совещание господ»)²⁹ Также полностью отсутствуют ссылки на право-

вые положения, касающиеся состава и деятельности совета. Нет и свидетельств того, что совет формировался как коллективный руководящий орган.³⁰

Хотя благодаря Новгородской судной грамоте и появлялись некоторые специфические правовые постановления, касавшиеся Новгородской земли, речь здесь может идти лишь о варианте общей древнерусской правовой модели. Особенного городского права, сходного со статутами и городскими правами Западной и Центральной Европы, в Новгороде не было.

Не было разницы и между гражданами и жителями города.³¹ Отсутствуют и такие механизмы контроля, как бюргерская книга или именной список, с помощью которых можно было бы проверить, кто имеет право и обязан присутствовать при принесении присяги.

Как мы не можем назвать Новгород коммуной, так мы не находим на Руси и другие из вышеназванных форм объединений. Хотя нам и известны соответствующие социальные группы на Руси, сплоченные общими интересами, они, однако, не обладают правовой базой, правовым нормированием самоорганизации.

Таким образом, следует отметить, что третья фаза основания и формирования европейских городов, проходившая в Высоком Средневековье и сопровождавшаяся образованием коммуны в Западной и Центральной Европе³², не затронула города Руси. Города, появившиеся в раннем Средневековье в древнерусских княжествах, постепенно развивались. При этом в большинстве из них произо-

²⁷ Старе српске повеље и писма. № 14. С. 12 [только славянский текст]; *Diplomatički zbornik III*. № 372. С. 427, 429 (на двух языках дошедший до нас договор между коммуной Дубровника и сербским королем Стефаном Владиславом от 1234–35) *cum omnibus nobilibus et cum toto communi Ragusae* — съ всеми боляри и съ всовь опкиновъ градъсковь. Еще одно свидетельство: Старе српске повеље и писма. № 19. С. 16 (славянский текст обещания коммуны Дубровника сербскому королю Стефану Урошу 1243); см. также *Diplomatički zbornik IV*. № 174. С. 195 (латинская версия обещания короля).

²⁸ *Sevastyanova O.* In *Quest of...* P. 16.

²⁹ *Granberg J.* The Sovet Gospod of Novgorod in Russian and German Sources // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 47. 1999. S. 398–399; *Squires C.* Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln; Weimar; Wien, 2009. S. 21.

³⁰ И К. Гёрке (*Goehrke C.* *Russland. Eine Strukturgeschichte*. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2010. S. 192) утверждает, что в Новгороде не было городского совета, который имелся в ганзейских городах. Но в основном он согласен с выводами Мументалера и Леффлера.

³¹ Хорошо засвидетельствованное слово *горожанин* сохраняет значение, идентичное со значением слова *civis* до формирования городской коммуны в Западной и Центральной Европе, и подразумевает просто городского жителя. То, что западное понятие «бюргер» эпохи Высокого Средневековья неприложимо к Древней Руси, отметил еще Отто Бруннер: *Brunner O.* *Europäisches und russisches Bürgertum // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Bd. 40. 1953. S. 1–21.

³² Исследование исторической терминологии латинских и славянских источников с Адриатического побережья позволяет говорить и о западноевропейской общине. Но независимо от терминологии в древнерусских источниках это слово было введено в русскую историографию в XIX в. для обозначения «организованной общности населения в древнерусских городах со слабым положением князя», как это принято и в современном русском языке. Поэтому я предпочитаю говорить о коммуне в Центральной и Западной Европе.

шло усиление княжеской и церковной власти. Только в Новгороде и в менее выраженной форме в Пскове процесс развития протекал иначе: княжеская власть претерпела значительные ограничения; власть архиепископа окрепла, сформировались светские структуры власти олигархического характера. Не передающиеся по наследству должности, собрания городского населения по самым различным поводам и постепенное учреждение веча позволяют нам говорить о демократических элементах городского устройства и разных возможностях участия в политической жизни.

Относительное внешнее сходство с центральноевропейской городской коммуной также обратило на себя внимание современников; иначе слово *посадник* не стало бы переводиться хорошо знакомым термином *borchmester* в средненижнемецких источниках. Тем не менее нет оснований говорить о коммуне, поскольку отсутствует четкое ограничение круга граждан, которые сообще образуют коммуну.³³ В остальном границы сходства проявляются, в том числе и по мнению современников, в том, что как соответствие слову *посадник* употребляется *borchgreve*, а *тысяцкий* переводится как *hertog*. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что эти должности скорее сопоставлялись со служащими какого-то князя на Западе.

Четвертая фаза формирования европейских городов приходится на раннее Новое время. Эти города, основанные по большей части абсолютными монархами, отличаются правильной планировкой и в отдельных случаях мощными оборонительными сооружениями; доминирующим зданием является не сакральный объект, а дворец монарха. Примеры таких городов в Германии — Маннхайм и Карлсруэ. Но самый известный город данной фазы находится в России: это Санкт-Петербург.

Наряду со строительством Санкт-Петербурга и преобразованием внешнего облика древних русских городов по европейскому образцу Петр Великий и Екатерина II провели реформы городского устройства, в ходе которых они установили формы городского са-

³³ Бургундский рыцарь Жильбер де Ланноа, который побывал в Новгороде в 1413 г., описал Новгород как *ville franche et seigneurie de commune* (Oeuvres de Guillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste, recueillies et publiées par Ch. Potvin avec des notes géographiques et une carte par J.-C. Houzeau. Louvain, 1878. P. 32). Но из этого не следует, что он смотрел на Новгород как на коммуну западного образца. Выражение *seigneurie de commune* служило только для описания олигархической власти. (Я благодарю Петра Сергеевича Стефановича за то, что он обратил мое внимание на этот текст.)

моуправления и сословной организации городского населения по подобию городской коммуны Западной и Центральной Европы того времени. Однако если в Западной и Центральной Европе городское самоуправление являлось результатом многовекового развития, то для России оно было новшеством, воспринятым сначала как нечто чуждое.

У меня нет стремления найти в домодерном русском городе как можно больше черт, свойственных городу Западной и Центральной Европы. Напротив, понятие города, с одной стороны, и отличительные признаки городской коммуны — с другой, нужно рассматривать отдельно.³⁴ Также не следует видеть в городе Западной и Центральной Европы эпохи Высокого Средневековья образец города вообще.³⁵ Как и древнерусский город, он был всего лишь одним из многочисленных вариантов в универсальной истории города.

Табл. 4.1. Правильно ли считать Новгород коммуной?

Критерии коммуны	Города в Западной и Центральной Европе	Новгород
Название	+	-
Формирование совета	+	-
Особое городское право	+	-
Разница между гражданами и жителями	+	-

³⁴ В тексте на немецком языке было бы необходимо объяснить, что здесь речь идет об использовании понятия *Stadt* в расширенном универсальном смысле. Слово *Stadt* в значении «город» появился в немецком языке приблизительно одновременно с рождением слова *Gemeinde*, коммуна. Похожим образом появилось обозначение города как *mesto*, соответствующее слову *miasto* в чешском и польском языках. Что касается понятий в источниках, чтобы обозначить «город» докоммунального типа в Западной Европе, то ср. *Oppl F. Das Werden der mittelalterlichen Stadt // Historische Zeitschrift. Bd. 280. 2005. S. 561–589.*

³⁵ Говоря об определении города, *Blomkvist N. The Concept of the Towns and the Dawn of Urban Life East and West of the Baltic. On the Emergence of Centres, Turn-over Places, Towns and Cities // Lübeck Style? Novgorod Style? Baltic Rim Central Places as Arenas for Cultural Encounters and Urbanisation 1100–1400 AD / hrsg. von M. Auns. Riga, 2001. P. 12, 16–21, уделяет внимание и древнерусскому городу. Dilcher G. Einheit und Vielfalt in Geschichte und Begriff der europäischen Stadt // Vielerlei Städte. Der Stadtbegriff. Köln; Weimar; Wien, 2004. S. 13–30 или Irsigler F. Annäherungen an den Stadtbegriff // Europäische Städte im Mittelalter. Innsbruck; Wien; Bozen, 2010. S. 31–44, разрабатывают свои подходы только на примере городов средневековой Западной и Центральной Европы.*